

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТИНА МИРА МИГРАНТА

УДК 81'42

Ламот Людмила Геннадьевна

Кандидат культурологии, Лицей сервиса
и промышленных технологий, г. Санкт-Петербург,
свободный исследователь, г. Тулуза, Франция

Черноусова Анастасия Степановна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7(342) 2396 417, e-mail: nastya-chernous@mail.ru

О КНИЖНОМ МИРЕ СОВРЕМЕННОГО МИГРАНТА

Предлагаемая статья посвящена вопросам моделирования миграционного дискурса. Дискурс о современной миграции характеризуется политематичностью. Чаще всего возникает тема, связанная с инакостью представителей другой этнической группы, которая определяет подчиненное положение мигранта по сравнению с представителями принимающего общества. Сформирован стереотип: «мигрант» — это Другой, изначально отличающийся от «местных» субъект, а значит обязательно опасный для культурных, социальных, экономических и иных норм общества. Использование книжной культуры в качестве инструмента адаптации конкретных групп мигрантов к конкретным городским, требует разработки не глобальных массовых и долгосрочных программ, а фокусированных оперативных адаптивных моделей-памяток, рассчитанных на определённые группы мигрантов, у которых есть определённые цели, сроки и перспективы дальнейшего проживания в конкретном регионе.

Ключевые слова: миграционный дискурс, мигрант, книжная культура, моделирование дискурса, адаптация мигрантов, культурологический анализ.

Введение

Дискурс современной миграции характеризуется политематичностью. Чаще всего возникает тема, связанная с инакостью представителей другой этнической группы, которая определяет подчиненное положение мигранта по сравнению с представителями принимающего общества. Сформирован стереотип: «мигрант» — это Другой, изначально отличающийся от «местных» субъект, а значит обязательно опасный для культурных, социальных, экономических и иных норм общества.

С обозначенной темой тесно связана тема адаптации и интеграции мигранта в принимающее сообщество. Различные государственные программы и мероприятия нацелены на гармонизацию этого процесса и снижение стихийности его развития. Кроме того, развитие международной миграции в глобальном и региональном масштабах и уровень ожиданий в отношении будущих тенденций в области миграции также привлекают внимание исследователей.

Последствия миграции как известно, проявляются в различных сферах: политической, социальной, экономической, культурно-психологической и др. Эти последствия имеют и позитивный, и негативный характер, становясь, таким образом, источником конфликтов.

Проблема интеграции мигрантов в чужую среду является сегодня междисциплинарной проблемой в виду того, что она находится в сфере интересов представителей различных наук, хотя изначально принадлежала социологии, изучавшей социальные процессы, происходящие в различных этнических плоскостях, а также эффекты этнического многообразия, определяющие различные социокультурные, социополитические, социоэкономические, межличностные и другие процессы, происходящие в больших и малых группах.

В работе «Методология и методы миграционных процессов» представлена матрица социальных дисциплин, исследующих указанный феномен, с перечнем исследовательских вопросов и основных теорий — это социология, антропология, демография, экономика, история, право, политология, социология [Методология и методы..., 2007].

С нашей точки зрения, сегодня международная миграция — настолько многогранный процесс, что открывает новые горизонты исследований учёным гуманитарных отраслей знания — культурологам, лингвистам, психологам. Так, одной из последних работ, представляющих результаты работы отечественных исследователей в области формирования и становления нового направления в парадигме гуманитарных наук — миграционной лингвистики, можно назвать монографию «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме» [2019].

В монографии представлены актуальные концепции в области миграционной лингвистики, в частности, вводятся новые направления — «миграционная медиалингвистика», «образовательная политика университетов в условиях миграционных процессов»; вводятся новые аспекты анализа миграционного дискурса — «рекламный мигрантский и антимигрантский дискурс»; предлагается анализ зарубежных исследований, посвященных важным вопросам миграционной лингвистики; исследуется региональный аспект миграционных процессов в плане интеграции мигрантов в социум Пермского края.

Наше исследование продолжает моделирование миграционного дискурса, причем в отличие от социологических подходов, базирующихся на масштабных эмпирических данных, мы сосредоточили внимание на конкретном человеке, приехавшем в Пермский край на заработки.

С нашей точки зрения, осуществляя крупномасштабные сравнительные исследования, дающие возможность реализовывать репрезентативные для взаимодействующих этнических групп опросы, порой социологи оставляют без внимания отдельную личность мигранта. Дополним социологические и экономические теории миграционных процессов результатами исследования, выполненного в культурологической проекции.

В настоящий момент социокультурная ситуация в современной России кардинально меняется. Этот процесс приобрел лавинообразный характер в постсоветский период, хотя истоки этого движения нужно искать уже в последние годы советского периода. Содержание этих перемен можно отнести к процессам, наблюдаемым в различных сферах гуманитарного поля и прикладных направлений развития общества.

В частности, интерес исследователей и специалистов, занимающихся актуальными проблемами современного общества, вызывают явления, которые становятся масштабными, меняют свою направленность или ранее не были обозначены в общественной, экономической, политической, культурной или иной составляющей человеческого существования.

К такому явлению можно отнести процесс миграции. Это, в свою очередь, указывает на «подвижность» или «изменчивость» этого процесса, который в таких условиях может быть источником рисков как для государств или отдельных регионов, так и для конкретных городов, населенных пунктов. Быстро растущие миграционные потоки порождают, как правило, проблемы социальные, психологические, юридические, культурные и др.

Таким образом, логичен интерес к этой теме гуманитариев и практиков разных школ и направлений. Теоретическим осмыслением этой темы занимались представители

различных наук с акцентированием внимания на множестве аспектов изучения: историки, социологи, этнологи, политологи, экономисты и др. Значительный вклад в изучение темы на современном этапе внесли А. Вишневский, В. Тольц, Д. Валентей, В. Ионцев и др. Можно говорить о сложившемся комплексе знаний о проблемах миграции, мигрантов, их адаптации в новых условиях, их ожиданий, стереотипах и мифах, распространенных в обществе.

Дискуссии продолжают и обсуждаются следующие темы: каковы культурные предпочтения и ожидания этих «новых» жителей нашей страны, города, села и др.? Кто они и кем себя ощущают в этой культурной среде? Что может являться ответом на вызовы, порождаемые ситуацией «противостояния» прибывающих и проживающих?

Таким образом, открываются перспективы исследования этого явления. «Подвижности» и «изменчивости», на наш взгляд, наиболее подвержены процессы в обществе, затрагивающие культурную составляющую. В статье речь пойдет об одном из элементов общей культуры — книжной культуре. Рассмотрим этот элемент жизненного мира мигрантов, причем, на первый взгляд нетипичный, — книжный мир молодых мигрантов в условиях современного города.

Исследовательское поле мы ограничили социальным пространством города Перми, признаваемого как большой индустриальный город, что, вероятно, является весомым аргументом для выбора мигрантами в качестве места, в котором он может реализовать свои экономические, социальные и культурные ожидания. Кроме того, город обладает высоким «полифонизмом» проявлений жизненных стратегий его обитателей, к которым мы относим мигрантов [Национальный вопрос ..., 2003].

Исследование последних поможет сконструировать теоретико-прикладную модель изучения городской реальности, повседневности как отражения социальных процессов, в нашем случае — книжной культуры мигрантов в пермской городской реальности.

Заметим, что культура чтения является институциональным элементом современной культуры. Она может включать в себя профессиональную деятельность, нормы чтения, имплицитные ценности, приписываемые социальные роли [Иванова, 2011].

Методология исследования

Методологической основой исследования выбрана теория повседневности, позволяющая понять состояние книжной культуры здесь и сейчас, применительно к жизненному миру молодых мигрантов [Шюц, 2004].

Техника исследования предполагает использование глубинного фокусированного нестандартизированного интервью ограниченного круга респондентов (методика С. Квале) [Квале, 2003]. Несмотря на ограниченный круг опрошенных (пять интервью) и согласно выбранной методике возможно обнаружить присутствие существенных свойств изучаемой книжной действительности.

О выборке. В группу исследуемых включены три группы мигрантов: узбеки, таджики, киргизы. Выбор национальностей не является случайным. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики именно эти национальности являются наиболее многочисленными группами мигрантов, выбравших для проживания город Пермь [Пермский край в цифрах, 2014, 2017]. Кроме того, мигранты отнесены к группе, которые предположительно вовлечены в «неевропейскую» книжную культуру.

Итак, *объектом* нашего исследования выступило городское урбанизированное сообщество, существующее в модернизированном мире с разнообразными практиками. *Предмет* исследования — городская книжная культура мигрантов. Определение места книжной культуры городских мигрантов в общей культуре мигрантов явилось *целью* исследования.

На первом этапе было изучено содержание общей культуры молодых мигрантов. Выявлены специфические особенности культуры чтения мигрантов. Охарактеризованы практики и указаны нормы чтения, которых придерживаются мигранты, вовлечённые в чтение. Выяснено, в чем заключается ценность книги для мигрантов, определен статус культуры чтения для мигрантов.

Перед началом исследования были выдвинуты некоторые *гипотезы*, заключающиеся в следующих установках. Предполагалось выяснить, что содержание общей культуры молодых мигрантов отражает черты современной городской культуры: экономизм, стремление к комфорту и удовольствиям, динамизм и готовность к экспериментам.

Предполагалось, что их культура чтения ориентируется на потребительские ценности; практики чтения молодых мигрантов определяются рыночными практиками, доступностью, престижностью, следовательно, чтение для них становится элементом досуга; в современных условиях проживания в городе в среде мигрантов определяющими конструируемыми нормами чтения являются интерес и удовольствие, а при смене жизненных статусов молодые мигранты отказываются от книги как источника ответов на вопросы, помогающие им адаптироваться в новой обстановке.

О методике. При проведении беседы нами использовалась авторская диалогическая матрица. Вопросы для интервью условно были поделены на три блока. В первый блок были включены вопросы, касающиеся культуры чтения молодых мигрантов: «Что читаете?»; «Как читаете?»; «Кто читать научил?»; «С кем обсуждаете прочитанное?»; «Для чего читаете?». Во второй блок вошли вопросы, которые помогли установить общие культурные смыслы мигрантов: «К чему стремитесь?»; «Чего хотите добиться?»; «На кого ориентируетесь?». С помощью вопросов, включённых в третий блок, мы смогли выяснить статусные характеристики респондентов. Условно эти вопросы можно объединить в один: «Кто Вы такой?»

Результаты исследования

Книжные практики мигрантов-узбеков. Информантами выступили узбеки в возрасте до 30 лет, выполняющие в г. Перми строительные и ремонтные работы. Все исследуемые имеют неполное среднее образование, состоят в браке, имеют двух и более детей. Выбрали для работы и временного проживания г. Пермь, так как, имея опыт проживания в других городах России, обнаружили, что здесь более мягкий климат и благоприятная обстановка для работы (хороший заработок и наличие родственников). По месту рождения и проживания в настоящее время определена принадлежность участников группы к городскому сообществу (см. приложение 1).

Отметим, что ядром узбекской культуры является ислам. Следовательно, можно согласиться с Ф. Кардини, который отмечал, что ислам — явление далеко не однородное и существует большое многообразие разновидностей ислама — как и разновидностей христианства — которые характеризуются внутренним единством, связывающим всех верующих в мире в одну общину.

Автором подчеркивается, что «Южноевропейская историко-филологическая традиция и культура восприимчивы особым образом к турецкому, ближневосточному и североафриканскому исламу, которые, тесно связаны между собой. В других частях Европы действовали иные исторические и политические факторы. Например, немцы, поляки, русские до XVIII–XIX вв. интересовались Ближним Востоком и Средней Азией» [Кардини, 2007, с. 7–8].

Напомним, что в недавнем прошлом Узбекская ССР входила в состав СССР. Можно предположить, что современная культура узбеков представляет собой гибрид, где советские традиции переплетены с исламскими. В качестве «входного» критерия для отбора в группу респондентов явилось знание русского языка.

Проанализировав ответы респондентов на вопросы первого блока, нам удалось выявить специфические особенности культуры чтения узбеков, заключающиеся в следующем. Все мигранты исследуемой группы предпочитают литературу религиозного характера. Однако на просьбу назвать, какие книги на данную тему они читают, называют только «Коран». Некоторые обнаружили интерес к технической периодической печати, которая необходима им для осуществления их профессиональной деятельности.

Малая часть респондентов знакома с узбекскими авторами, которых можно отнести к ряду классиков. В частности, названо имя А. Навои, о творчестве которого они узнали из школьной программы. Большая часть опрошенных не смогли назвать ни одного узбекского автора. Можно отметить эпизод проявления разнообразия читательского предпочтения.

Обнаружен интерес к творчеству современного узбекского автора Давронбека Мамарасулова, который проживает в одном городе с респондентом и, по его мнению, пользуется популярностью среди горожан. Однако на просьбу уточнить, в каком жанре работает автор и о чем пишет, последовал ответ: «...Обо всем: природе, людях...». Выявлен интерес к книгам по математике.

Несмотря на то, что все мигранты изучали в школе русский язык, русских авторов вспомнить никто не смог. При попытке выяснить, знают ли они об экранизации литературных произведений, оказалось, что респонденты не связывают возможности кинематографа и литературы. В качестве домашней библиотеки узбеки рассматривают шкаф, наполненный учебной литературой, который был у них в детстве. Художественной литературы не было.

У всех респондентов родители окончили советскую школу и некоторые обучали читать своих детей до школы. Некоторые респонденты учились читать сами, кому-то помогали старшие сестры. Практически все респонденты вынуждены были рано начать работать, поэтому возможности учиться дальше, больше узнать о книгах и писателях у них не было, хотя такое желание высказали все. Все в детстве посещали школьную библиотеку.

Отметим эпизод, выбивающийся из общих результатов. Один из респондентов посещает Пермскую краевую библиотеку для пополнения профессиональных технических знаний. Причем об её существовании узнал случайно, проходил мимо и увидел. Интересным показалось то, что приобретают литературу мигранты на рынке, книжные магазины и Интернет для этих целей не рассматриваются.

Для всех респондентов характерно желание осуществлять процесс чтения в приватной обстановке. Большинство отдадут предпочтение печатной книге в ущерб электронной.

Отметим мнение всех исследуемых, касающееся особого значения «Корана», выбранного в качестве универсальной книги, в которой можно найти ответы на все вопросы. Не все из опрошенных смогли ответить на вопрос «Зачем Вы читаете?». Только один указал на процесс чтения как источник удовольствия и отдыха. Большинство считают, что делать это нужно только в случае крайней необходимости, так как свободное время лучше использовать для работы.

Говоря о *культуре чтения* мигрантов, можно указать на то, что у большей части респондентов книжные предпочтения практически не обнаруживаются, а книжный опыт исчерпывается знанием литературы религиозного содержания, либо расплывчатыми знаниями о классических произведениях и авторах, которые являются элементом традиционной «неевропейской» книжной культуры в универсально распространенном варианте. Читательские практики исследуемых не обозначены, так как не наблюдается первичного книжного багажа, требующего развития книжных навыков.

Формирование индивидуальных ценностных установок по отношению к книге как продукту книжной культуры ограничено, так как инструментом достижения успеха в реальном жизненном пространстве считают произведение, относящееся к религиозной книжности. Данный факт может также свидетельствовать о том, что содержание общей культуры мигрантов отражает не все черты современной городской культуры.

Итак, анализируя общие результаты можно сделать вывод о том, что мигранты-узбеки, проживающие в Перми, не могут считаться вовлеченными в книжную культуру, в том числе и как инструментальную культуру для значимых социальных практик, хотя перспективы моделирования адаптивных городских практик для мигрантов видятся именно в этой плоскости.

Приложение 1

Интервью 1: Мигрант 1 (30 лет, муж., женат, имеет троих детей, стаж проживания в г. Перми – 4 года)

Интервью 2: Мигрант 2 (27 лет, муж., женат, имеет двоих детей, стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Интервью 3: Мигрант 3 (25 лет, муж., женат, имеет двоих детей, стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Интервью 4: Мигрант 4 (25 лет, муж., женат, имеет двоих детей, стаж проживания в г. Перми — 4 месяца)

Интервью 5: Мигрант 5 (25 лет, муж., женат, имеет двоих детей, стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Книжная повседневность мигрантов-таджиков. Обращаясь к теме исследования перспектив адаптации молодых мигрантов из Средней Азии в городской российской действительности, мы выбрали приоритетную группу стран, в число которых входит, в том числе и Таджикистан.

Рассмотрим книжную культуру молодых таджиков, прибывших в Пермь, индустриальный город-миллионник. Любой город, по нашему мнению, является центром реализации большого количества повседневных практик его обитателей, в частности, экономических, социальных, культурных и других. Следовательно, город является своеобразным «магнитом» для прибывающих в страну мигрантов, которые надеются реализовать здесь свои ожидания, имеющие определённую направленность: экономические ожидания, социальные, культурные и др.

Наше исследование направлено на то, чтобы выяснить, каковы ожидания прибывших, какие цели они ставили перед собой, прибывая в Россию? Нас интересовало также, чего они опасаются и на чью помощь они рассчитывают при достижении своих целей? Кроме того, мы попытались на основе полученных результатов смоделировать ряд рекомендаций, которые, на наш взгляд, помогут официальным российским органам, работающим с мигрантами, планировать свою деятельность, направленную на адекватное регулирование потоков прибывающих в страну.

При этом нами была предпринята попытка учесть мнение самих мигрантов. От их успешной адаптации, в том числе культурной, зависит, будет ли город, в который они прибыли, безконфликтной средой, либо он превратится для мигрантов во временное место проживания, в котором они вынуждены отгораживаться и защищаться, тем самым, провоцируя новые вызовы и конфликты, способные негативно повлиять на жизнь постоянных его жителей.

Согласно принятому нами ранее и апробированному на группе мигрантов из Узбекистана исследовательскому плану, мы начали с изучения историко-культурных особенностей страны, из которой прибыли интересующие нас молодые мигранты.

Следует признать, что, пытаясь уточнить состояние современной культурной среды Таджикистана, в которой социализировались исследуемые нами молодые мигранты, мы выяснили, что существует много общего в этапах постсоветского развития стран, которые входили ранее в состав Советского Союза. Однако некоторые «собственно таджикские» отличия существуют.

Значительное влияние на развитие различных процессов в постсоветском Таджикистане оказала гражданская война, длившаяся пять лет. Признавая негативные

последствия результатов войны на экономическую, политическую и социальные сферы, следует отметить значительный ущерб, который был причинён культурной среде.

В советский период в Таджикистане была налажена стабильная работа системы культурных институтов, которые обеспечивали большей части молодого поколения возможность успешно социализироваться не только на территории своей республики, но и на территории всего бывшего Советского Союза. Однако надо признать, что проблема адаптации сельской молодёжи в городских условиях обнаруживалась всегда.

Следует также отметить, что в советский период развития таджикской культуры особый вклад вносили русскоязычные деятели, которые активно участвовали в научном, образовательном, книжном и других процессах.

Обращаясь к советскому литературному прошлому, считаем необходимым отметить, что литературная среда формировалась и функционировала по типичной для республик бывшего Советского Союза схеме. Регулировался литературный процесс с помощью официально созданного Союза писателей, который был образован в 1934 г. Заметим, что ныне в этой организации состоит около 300 литераторов, включая писателей — этнических таджиков, живущих в Узбекистане. Русской секции нет [Чупринин, эл. ресурс].

«Набор» авторов, поддерживаемых этим Союзом, обеспечивал паритет между национальными и русскоязычными литературными именами, что способствовало сохранению культурного баланса в республике. В число рекомендуемых для изучения и включения в образовательные программы входили реально признаваемые таджиками и интересные для проживающего в республике русскоязычного населения поэты и писатели. В частности, можно назвать Омара Хайяма (1048–1122), который творил в популярном среди народов Средней Азии жанре четверостишия (рубай). Кроме того, его вольнодумно-философская и гедонистическая лирика вполне отвечала интересам официальной советской национально-культурной политики. Из классических авторов того же ряда следует вспомнить почитаемого таджикским и узбекским народами Алишера Навои (1441–1501). Его передовые взгляды способствовали развитию дружбы узбекского и таджикского народов, что также отвечало ожиданиям и стратегическим целям официальной советской культурной политики.

Для воссоздания полной картины книжной повседневности в Таджикистане советского периода следует отметить значительный вклад в развитие книжной культуры советских писателей и поэтов. Так, например, можно предположить, что, кроме классиков древней таджикской литературы и классической русской литературы, молодые таджики знакомы с творчеством современных таджикских авторов, в частности Гульчехры Пулатовой, которая

пишет художественные произведения, в том числе, адаптирует произведения немецких и английских авторов для изучающих иностранные языки. Ее сборник рассказов «Приключения графа Лайоля», написанный под псевдонимом Мишель де Маусвиль, занял первое место в номинации «Малая проза» на конкурсе «Русской премии» за 2007 г.

Следует вспомнить Сергея Сухояна, который родился в 1932 г. в России, а живет вот уже десятки лет в Душанбе, где окончил Таджикский университет. Работал ответственным секретарем журнала «Памир» (2001–2007). Он является автором множества сборников стихов. Он также переводит таджикскую поэзию на русский язык. В этот же ряд следует поместить журналиста Алишера Ниязова, который начал писать прозу в 2000 г. и много печатался в литературной периодике. Упомянем также имя Искандера Хамракулова, который много лет являлся главным редактором журнала «Памир» и автором ряда литературоведческих эссе, посвящённых, в том числе, теме поиска национального характера героя. Плодотворно работает на «книжном фронте» и Леонид Чигрин, который одновременно с преподавательской деятельностью в Российско-Таджикском (Славянском) университете в Душанбе в соавторстве с Ато Хамдамом пишет и публикует ряд исторических романов.

В последнее время из-за войны и глобальных политических трансформаций Таджикистан покинула большая часть русскоязычного населения, в том числе творческая книжно-литературная интеллигенция, ранее игравшая значительную роль в культурно-литературном процессе.

Уникальным примером может служить литературное творчество офицерского состава русских пограничников. Однако данные творческие эксперименты нельзя считать профессиональными, скорее самодеятельными. Кроме того, по ограниченности распространения результатов среди читательской таджикской аудитории это вряд ли можно приравнять по влиянию и значению к прошлому опыту русского «книжного влияния» на таджикских читателей [Чупринин, эл. ресурс].

Анализируя культурные изменения в постсоветском Таджикистане, укажем также на то, что эта республика в культурном и языковом плане очень близка республике Иран. В прошлом эти нации имели единую культуру и создали совместную литературу. Однако постепенно под воздействием различных исторических событий и социальных потрясений, особенно после Октябрьской революции, экономические, политические и особенно культурные связи двух родственных стран существенно ослабились.

С обретением республикой Таджикистан государственной независимости, по мнению таджиков, продолжающийся долгие десятилетия разрыв между двумя народами и странами был устранен. За два десятилетия после независимости Таджикистана не только были

восстановлены прежние ирано-таджикские связи, но также они приобрели новые направления и горизонты [Захери Махназ Мохаммад Али].

Требуется, по нашему мнению, обратить внимание на ситуацию с образованием и на статус русского языка в Таджикистане, которые в постсоветское время подверглись серьёзным трансформациям. Так, до установления советской власти большая часть населения Таджикистана была неграмотна. Многие из тех, кто получил хоть какое-то образование, посещали деревенские школы, где обучение в основном сводилось к заучиванию «Корана». Некоторым учащимся удалось продолжить образование в мусульманских семинариях (медресе), которые действовали в крупных городах Центральной Азии.

В советское время была введена система народного образования, которая на заключительном этапе была доведена до уровня полной средней одиннадцатилетней школы, и в 1980-х гг. почти все дети имели образование в объеме неполной средней школы. В систему народного образования входили также многочисленные профессионально-технические училища.

Преподавание велось на таджикском, русском, узбекском языках, а в некоторых районах на киргизском языке. На протяжении советского периода политика в вопросах языка несколько раз пересматривалась, однако, в последние годы установилась практика, в соответствии с которой учащимся предоставлялась возможность обучаться на русском или одном из других языков, однако русский входил в программу как обязательный второй язык. Однако под влиянием объективных причин (продолжительная гражданская война, отсутствие комфортных условий для проживания в Таджикистане русскоязычного населения и др.) страну покинуло практически всё русское население. Следовательно, не осталось реальных причин, чтобы русский язык был востребован жителями страны для реализации различных повседневных практик.

Согласно данным Министерства образования, из 3 800 средних учебных заведений в Таджикистане функционирует 28 школ, где преподавание ведется на русском языке, работает Российско-Таджикский (Славянский) университет. По государственным телеканалам идут ежедневные информационные программы на русском языке, есть газеты, рассчитанные на русскоязычных читателей. И, тем не менее, сфера применения русского языка в стране постоянно сужается, количество уроков русского языка в таджикских классах сокращено до двух часов в неделю, а русская литература из школьной программы вообще исключена [Чупринин, эл. ресурс]. Финансовые и материальные условия, необходимые для сохранения системы образования, исчезли во время гражданской войны. Большинство школ функционирует благодаря энтузиазму учителей, зарплаты задерживаются или не

выплачиваются месяцами, хотя по Конституции всем гражданам страны гарантируется получение бесплатного общего среднего, среднего профессионального и среднего специального и высшего образования.

Таким образом, в постсоветский период сохранились элементы бессистемной культурной книжной среды, которая, тем не менее, могла бы рассматриваться как база для формирования у молодых таджиков культурных, а значит, книжных повседневных практик.

Напомним, что исследование было ограничено социальным пространством города Перми, признаваемого как большой индустриальный город. Это обстоятельство явилось весомым фактором для принятия решения выбрать этот город в качестве нового места проживания. Город обладает высоким «полифонизмом» проявлений жизненных стратегий его обитателей, к которым мы относим мигрантов [Национальный вопрос в городском сообществе, 2003]. Проживающий в городе, в том числе, мигрант, может реализовать свои экономические, социальные и культурные ожидания. По мнению самих мигрантов, в городе можно реализовать цели, связанные с желанием заработать «много денег» и начать «новую» жизнь на Родине.

Городская реальность или повседневность является отражением социальных процессов. Не стоит забывать, что культура чтения является институциональным элементом современной культуры. Она может включать в себя профессиональную деятельность, нормы чтения, имплицитные ценности, приписываемые социальные роли.

Рассмотрим выборку мигрантов-таджиков: в группу вошли таджики в возрасте до 25 лет (см. приложение 2). Все мигранты данной группы работают в крупном торговом центре грузчиками. Большая часть исследуемых имеют неполное среднее образование (Инт.: 1-5); один опрашиваемый имеет среднее образование (Инт.: 6) и один — начальное образование (Инт.: 7). Большинство опрашиваемых состоят в браке и проживают в Перми вместе с семьями, имеют от одного до трёх детей. Двое из группы проживали ранее в других регионах России. Трое из группы переехали в город Пермь по совету соотечественников, которые нашли здесь работу и сообщили опрашиваемым о наличии вакансий в крупном торговом центре с возможностью предоставления жилья, удобного для проживания, в том числе с детьми. Двое из группы имеют разнообразный трудовой опыт. Им приходилось выполнять сезонные строительно-ремонтные работы на различных объектах (строили дачи, бани, работали подсобными рабочими в фермерском хозяйстве и так далее) (Инт.: 6, 7). До приезда в Россию часть опрошенных проживали в городах северной части Таджикистана, в городе Худжанд (бывший Ленинабад). Следует заметить, что в этой части страны в советский период размещалось много крупных предприятий, на которых трудилось русскоязычное население.

Культурная среда таджиков постоянно «подпитывалась» культурными практиками, привносимыми русскоязычными «соседями». Родители наших опрошиваемых обучались вместе с русскоязычными детьми, изучали творчество русских и таджикских писателей, читали одинаковые книги, хотя, возможно, рекомендуемые официальными школьными программами, смотрели одинаковые фильмы и другое. Социализация родителей проходила под мощным культурным влиянием русской культурной повседневности. Таким образом, нашим респондентам их родителями была как бы «привита» возможность адаптации в русской культурной среде, в том числе, в книжной городской повседневности.

Информант 6 и информант 7 проживали в небольших городах южной части страны (Инт.: 6, 7). Заметим, что гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) подпитывалась националистически религиозными идеями, зародившимися именно в этих регионах республики.

Приступая к описанию эмпирической части изучения группы мигрантов из Таджикистана в контексте книжной культуры как инструмента культурной адаптации последних в пермской городской среде, считаем необходимым уточнить причины, по которым была выбрана эта страна. Как и в исследовании группы мигрантов из Узбекистана, мы ориентировались на официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат), публикующего сведения о потоках мигрантов на территории Пермского края за последние пять лет. Согласно опубликованным данным, в Пермский край в 2010 г. прибыло 212 мигрантов из Таджикистана, а в 2014 г. – уже 1614. Планируя наше исследование, мы выбрали в качестве входного критерия для выбора национальности положительную динамику прибывающих в Пермь мигрантов. Однако в настоящий момент мы наблюдаем увеличение выбывших из Пермского края мигрантов из Средней Азии, в том числе, таджиков (в 2017 г. уехавших было 96 человек). Эти обстоятельства вызваны ухудшением экономической ситуации в России. Однако по-прежнему поток мигрантов из Средней Азии составляет большую часть от общего числа прибывающих в Пермь.

«Входным» критерием для отбора в группу респондентов мы оставили знание русского языка.

На первом этапе второго исследования мы также попытались изучить содержание общей культуры молодых мигрантов-таджиков. Нами были выявлены специфические особенности культуры чтения мигрантов. Описаны книжные практики и указаны нормы чтения, которых придерживаются мигранты, вовлечённые в чтение. Мы узнали, в чем заключается ценность книги для мигрантов и определили статус культуры чтения.

Нами были выдвинуты гипотезы: в частности, предполагалось, что содержание общей культуры молодых мигрантов отражает черты современной городской культуры: экономизм, стремление к комфорту и удовольствиям, динамизм и готовность к экспериментам. Также предполагалось, что их культура чтения ориентируется на потребительские ценности; практики чтения молодых мигрантов определяются рыночными практиками, доступностью, престижностью, следовательно, чтение для них становится элементом досуга; в современных условиях проживания в городе в среде мигрантов определяющими конструируемыми нормами чтения являются интерес и удовольствие, а при смене жизненных статусов молодые мигранты отказываются от книги как источника ответов на вопросы, помогающие им адаптироваться в новой обстановке.

Проанализировав ответы респондентов на вопросы первого блока, мы выявили специфические особенности культуры чтения таджиков. Эти особенности заключаются в следующем. Родители большинства опрошенных социализировались в советский период и лояльно относились к русским культурным традициям. Они могли приобщить детей к разнообразным культурным практикам, в том числе книжным. Большинство опрошенных мигрантов, как в случае с мигрантами-узбеками, предпочитают литературу религиозного характера. В качестве примера они называют «Коран». Все опрошенные мигранты, проживая в Таджикистане, регулярно посещали мечеть. Однако в Перми они делают это нерегулярно, потому что режим работы, которую они выполняют, не позволяет им «правильно» молиться и совершать мусульманские обряды. Заинтересовали нас сведения, которые мы получили от мигранта, сообщившего, что после возвращения на родину он хотел бы погрузиться в религию, посетить Мекку, а потом продолжать жить, как правоверный мусульманин. Проживание за пределами Родины он рассматривает как временный период жизни, необходимый ему, чтобы заработать денег и осуществить свои жизненные планы. Этот опрашиваемый, как и все респонденты, ввиду изменившейся экономической ситуации, рассматривает возможность покинуть Россию в ближайшее время. Оплата труда, которая позволяла мигрантам существовать в России и высылать деньги на Родину, резко снизилась. Их заработок в настоящее время почти соответствует размерам оплаты за аналогичный труд на Родине. Это обстоятельство делает их пребывание в России бессмысленным.

Желание таджиков уехать из страны связано, естественно, с поиском заработка: Таджикистан сегодня относится к числу наиболее бедных стран мира и по основным макроэкономическим показателям отстает от других государств Центральной Азии. Вследствие кризиса на 30–40 % сократился объем денежных переводов от мигрантов. Объем денежных переводов в Таджикистан ещё в 2009 г. по сравнению с 2008 г. сократился на

31,3 %, составив 1 млрд. 833,9 млн. долларов США или около 39 % к ВВП. Сегодня эти цифры с угрожающей скоростью увеличиваются. По словам председателя Национального банка Таджикистана, объем денежных переводов сократился в результате негативного влияния мирового финансового кризиса на экономику России, где работают до 90 % от общего числа трудовых мигрантов Таджикистана за рубежом. По неофициальным данным, в трудовой миграции за пределами республики находятся около 1,5 млн. таджиков [Джононов, эл. ресурс].

Возвращаясь к теме читательских предпочтений опрошенных, укажем на то, что почти все опрошенные после окончания школы не прочли ни одной книги, объясняя это тем, что времени на чтение у них нет. Проживая вдали от Родины, они испытывают острую необходимость в получении «свежих новостей» с родины, а в «больших книгах» (со слов опрошенных мы узнали, что так они называют печатные книги любых жанров, в твёрдом переплёте), эту информацию получить нельзя (Инт.: 1). Кроме того, таких книг на таджикском языке в Перми не купить, а везти с Родины непрактично. В Россию они прилетают на самолётах, поэтому не могут использовать лимит багажа на книги, которые вряд ли могут им пригодиться здесь (Инт.: 2).

На просьбу назвать имя любого таджикского автора, только один из мигрантов смог вспомнить имя родоначальника поэзии на фарси Абу Абдаллаха Рудаки (около 860–941). На вопрос, откуда он знает этого автора, респондент ответил, что, когда он учился в школе, их класс готовил вечер, посвящённый этому автору. Однако сейчас он не может вспомнить, о чём «говорил» этот автор в своих произведениях (Инт.: 4).

На вопрос о том, в какой «атмосфере» вы любите, точнее, любили читать, все респонденты ответили, что им необходима спокойная обстановка, чтобы сосредоточиться.

Принимая во внимание, что респонденты в настоящий момент почти утратили книжные навыки, то есть они сейчас «выпали» из книжной среды, мы сосредоточили внимание на прошлом книжном опыте и перспективах погружения этих мигрантов в новую российскую книжную повседневность.

Мы попытались выяснить у них, знают ли они кого-либо из русских авторов. Были названы имена Л. Толстого, Ф. Достоевского, как ни странно, М. Горького (у одного из респондентов в детстве была небольшая домашняя библиотека, в которой были книги М. Горького) (Инт. 2). Из этих ответов можно сделать вывод, что ряд русских писателей, о которых что-либо знают респонденты, ограничен шаблонным школьно-нормативным списком. Причём этот список скорее можно отнести к поколению родителей наших респондентов, так наши респонденты в школе не изучали русскую литературу.

Большой интерес у респондентов вызывает информация из таджикской прессы, которую они получают из интернета. Все респонденты, как и респонденты-узбеки, в детстве посещали школьную библиотеку. Однако их интересовала литература, которая необходима была для выполнения каких-либо учебных заданий. В г. Перми они не посещают библиотеку и даже не узнавали, возможно ли это сделать. Своё нежелание использовать ресурсы библиотеки они объясняют отсутствием свободного времени и недостаточно хорошим знанием русского языка. Все опрошенные сдавали тесты по русскому языку для получения разрешения для проживания в России, однако дополнительно они не пытались усовершенствовать полученные знания. Они считают, что для временного проживания в России этих знаний достаточно.

Как в случае с мигрантами-узбеками, только двое из опрошенных смогли ответить на вопрос «Зачем Вы читаете?» (Инт.: 1, 3). Остальные затруднились на него ответить. Оба ответивших придерживаются мнения, что много времени можно тратить на чтение только «Корана», а читать «лёгкие» книги можно только в старости, когда не можешь уже работать.

Подытоживая разговор о *культуре чтения* мигрантов-таджиков, отметим, что у всех респондентов книжные предпочтения практически не обнаруживаются, а книжный опыт исчерпывается знанием литературы религиозного содержания. Они не имеют представления даже о классических произведениях и авторах, которые являются элементом их традиционной «неевропейской» книжной культуры в универсально распространенном варианте.

Читательские практики исследуемых не выражены, так как не обнаружены базовые книжные знания, которые необходимы для развития читательских навыков и адаптации этих мигрантов в пермской городской культурной повседневности, частью которой является книжная повседневность. Формирование индивидуальных ценностных установок по отношению к книге как продукту книжной культуры отсутствует, так как инструментом достижения успеха в реальном жизненном пространстве они не считают книги, литературу светского характера, лишь выделяя в этом ряду «Коран» как произведение, относящееся к религиозной книжности. Следовательно, можно сказать, что содержание общей культуры мигрантов-таджиков почти не отражает черты современной городской культуры.

Резюмируем следующее: мигранты-таджики, проживающие в Перми, не вовлечены в книжную культуру как инструментальную для значимых социальных практик. Однако при благоприятном для длительного проживания мигрантов-таджиков в России экономическом «климате» моделирование адаптивных городских практик для мигрантов возможно. Тем не менее, массовый универсальный характер данные модели не могут иметь.

Интервью 1: Мигрант 1 (25 лет, муж., женат, имеет двух детей, стаж проживания в г. Перми—2 года)

Интервью 2: Мигрант 2 (25 лет, муж., женат, имен трое детей, стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Интервью 3: Мигрант 3 (24 года, муж., женат, имеет одного ребёнка, стаж проживания в г. Перми — 1,5 года)

Интервью 4: Мигрант 4 (24 года, муж., женат, имеет двух детей, стаж проживания в г. Перми —2 года)

Интервью 5: Мигрант 5 (22 года, муж., неженат, стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Книжная повседневность мигрантов-киргизов. Продолжая тему адаптации мигрантов в городскую среду, мы изучили группу мигрантов из Кыргызстана по той же стратегии.

Уточняя причины, по которым киргизы выбраны нами для изучения возможностей адаптации мигрантов к городской действительности, мы приведём официальные показатели движения мигрантов в Пермском крае. По данным Пермьстата (данные на 2015 г.), можно выделить некоторые цифры, подтверждающие факт того, что киргизы занимают третье место по числу прибывших в Россию. В 2018 г. число киргизов, прибывших в Пермь, составило 190 человек.

Отметим, что данные о миграции между Пермским краем и странами СНГ, Балтии и с другими странами, получены в результате разработки поступающих от подразделений миграционной службы первичных документов (листок статистического учёта на мигрантов) прибытия и убытия, которые составляются при регистрации населения по месту жительства. Внешняя миграция включает эмиграцию за пределы Пермского края и иммиграцию в её пределы.

С 2011 г. в статистический учёт долгосрочной миграции населения включены также лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более и лица, снятые с регистрационного учёта по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания. Понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью, так как одно и то же лицо может в течение года менять место постоянного жительства не один раз.

Тем не менее, можно проследить положительную динамику «прибывших» в г. Пермь из Кыргызстана. Однако отметим, что наблюдается снижение числа прибывших из этой страны. Для того, чтобы представить образ мигранта-киргиза, необходимо обозначить специфические культурные черты представителя этой группы исследуемых.

Таблица

Общие итоги миграции населения, чел. (данные Пермьстат, 2015)

	2010	2011	2012	2013	2014
Прибывшие — всего	26453	62652	79094	84618	85727
в пределах России	25542	57983	71161	76654	76483
внутринациональная	19575	45164	55611	60016	58788
межнациональная	5967	11819	15550	16638	17695
международная миграция	911	4669	7933	7964	9244
из них со странами СНГ и Балтии	849	4247	6766	6913	8174
Беларусь	29	60	71	62	74
Казахстан	142	290	320	329	420
Республика Молдова	28	105	123	111	131
Украина	93	376	406	452	1701
Азербайджан	79	541	628	610	581
Армения	53	419	856	820	924
Киргизия	119	534	735	661	555
Таджикистан	212	1262	1680	1690	1614
Туркмения	9	14	30	38	23
Узбекистан	65	646	1917	2140	2151
с другими зарубежными странами	62	422	1167	1051	1070
Внешняя (для региона) миграция	6878	16488	23483	24602	26939

Исторически сложились условия, при которых на культуру киргизов, в том числе книжную, оказывала значительное влияние культура тюркских народов, в том числе узбеков, казахов, туркмен, уйгуров. Кроме того, ранее мы уже выделили тенденцию, которая указывает на важный фактор развития современной культуры народов Средней Азии, которые ранее были вовлечены в общую советскую культуру и имели общие векторы развития.

Нами выделены черты, указывающие на то, что современное поколение молодых киргизов не может изучаться в отрыве от «советской культуры», носителями которой по-прежнему остаются родители и поколение «бабушек» и «дедушек» молодых киргизов.

Кыргызстан, а также Узбекистан и Таджикистан, являющиеся объектами нашего интереса, в советский период могли считаться литературоцентрическими территориями. Напомним, что данная ситуация с книжной культурой была возможна благодаря централизованной политике советского государства в области культуры, в том числе книжной.

Одной из характерных черт «официального» советского литературоцентризма можно выделить обязательное нормированное изучение в школах русского языка, который являлся государственным, а также истории и современной литературы народов Советского Союза. Особо значимым явлением в культурной книжной политике государства советского периода, которое серьёзным образом влияло на вовлечение молодого поколения в книжную культуру, являлись мероприятия, которые «подчёркивали национальный колорит» республиканских литературно-книжных течений. Так, например, в каждой советской республике был организован национальный Союз писателей, который регламентировал деятельность национальных писателей, поэтов, тем самым мог влиять на формирование национальной книжности людей.

В Кыргызстане устойчивой тенденцией официальной литературно-книжной политики можно назвать поддержку «литературных классиков». Устойчивым брендом советской Киргизии можно назвать классика литературы Чингиза Айтматова. Кроме того, традиционным «занятием» официальных «культурных органов» можно назвать «раскручивание» на различных уровнях национального эпоса «Манас». Хотя надо признать, что данное явление не является уникальным для Кыргызстана. По такому пути развития шли все национальные литературно-книжные культуры бывших советских республик.

Данное обстоятельство, тем не менее, обеспечивало постоянный приток, хотя и строго лимитированный, на литературный рынок новых книжных имен. Молодые люди, получившие образование в любой советской республике, могли уверенно назвать имена из шаблонного ряда литературных классиков и перечислить их базовые произведения из школьной программы, а также «тезисно» передать содержание этих «книжек».

Интересной можно назвать тенденцию, которая наблюдалась в среде «продвинутой» книжной молодёжи бывшего СССР. Речь идёт об интересе советских молодых книжников к литературным новинкам национальных авторов. Иногда, описывая подобные явления, в литературе применяют термин «книжный бум». Причём обладание такими знаниями давало возможность советскому молодому человеку отнести себя к особой группе молодёжи, имеющим шанс успешно адаптироваться не только культурно, но и социально, а иногда, экономически. Обращаясь к историко-книжному прошлому Кыргызстана, иллюстрацией данного явления выступает невероятная популярность киргизского автора Чингиза Айтматова (1928–2008 гг.) в конце 80-х гг. XX в.

Такие векторы развития советской книжной культуры позволяли молодым людям, хотя и условно, отнести себя к людям, вовлечённым в общую советскую и уникальную национальную книжную культуру, тем самым помогая успешно социализироваться и

априорно обеспечивая успешную культурную адаптацию молодых людей из любой республики на любой территории, с любыми национальными особенностями.

Обращаясь к современным особенностям развития и перспективам книжной культуры Кыргызстана, мы можем отметить общие черты, которые характерны для всех государств, которые вызвали наш интерес в контексте изучения проблем адаптации в российской городской повседневности. Так, например, единой для Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана является тенденция разрушения литературноцентричности изучаемых стран. Причины в разных странах имеют нюансы, однако наблюдаются и одинаковые процессы. В частности, в Кыргызстане, как и в других странах Средней Азии, наблюдается необратимый процесс ухода с «книжной арены» русских авторов, которые проживали рядом с носителями национальных языков, знали традиции и особенности жизни людей, для которых они писали на русском языке. Кроме того, русские авторы активно участвовали в официальной литературно-книжной жизни и могли влиять на «местную» книжную культуру во всех её проявлениях. Это касается творческой составляющей, например, содержание их произведений чаще носило просветительский характер, пропагандирующий русскую культуру.

Похожая картина складывается с развитием литературной науки. В частности, на филологических факультетах национальных вузов значительный процент преподавательского состава составляли «русские кадры», которые участвовали в разработке учебных программ изучения мировой, русской, и, в значительной мере, национальной литератур.

Логичным видится и формирование издательских планов, создание которых также осуществлялось не без участия «русского меньшинства» в количественном измерении, но значительного по пропаганде книжной культуры.

Не будем подробно останавливаться на особенностях функционирования книжной торговли в советской Киргизии. Советская торговля, в том числе национальная книжная, действовала на всей территории СССР одинаково и по строго регламентированному плану, поэтому выделять киргизские нюансы не имеет смысла. Во всех республиках бывшего Советского Союза люди испытывали «книжный голод», вызванный книжным дефицитом литературы, реально, а не нормативно вызывающей интерес у большей части населения, претендующих на вовлечение в сообщество книжников.

Таким образом, ориентируясь на важные обстоятельства развития книжной культуры Кыргызстана, основы которой были заложены, в большей степени, в советский период, рассмотрим современное состояние книжной среды в этой стране.

По мнению специалистов, книжные процессы в современном Кыргызстане происходят по типичному для Средней Азии сценарию. Русские диаспоры, оказывающие существенное влияние на формирование и развитие национальной книжной среды, стремительно сокращаются во всех бывших республиках Советского Союза.

Однако некоторые различия всё-таки можно обнаружить. Так, например, Кыргызстан, единственный в этом регионе, оставил русскому языку статус официального, и до сих пор на русском языке говорит здесь 80 % населения, причем половину составляют этнические киргизы, которые родной язык не знают совсем [Чупринин, эл. ресурс]. Такая ситуация даёт возможность увидеть перспективы для восстановления культурных позиций России в этой стране, однако результаты наших исследований, о которых мы скажем ниже, не вселяют уверенность в легкодоступности достижения подобных целей.

Несмотря на позитивные тенденции, связанные со статусом русского языка в Кыргызстане, складывается трудная ситуация с системой книгораспространения в этой стране. Эта система фактически разрушилась вместе с прекращением деятельности советской системы. В Кыргызстане полностью перестала функционировать государственная полиграфическая база. Действуют небольшие частные производства, которые не могут влиять на динамику книгопроизводства в объёме, при котором может идти речь о формировании национальных книжных приоритетов среди населения.

Примечателен тот факт, что ещё в недавнем постсоветском прошлом закрылись все прежние книжные магазины, а за пределами столицы Кыргызстана не осталось ни одного. В Бишкеке книжная торговля развивается сложно, без какой-либо поддержки официальных властей. Есть несколько книжных магазинов, более или менее крупных, однако по масштабам они значительно уступают аналогичным в Центральноазиатском регионе [Бондаренко, эл. ресурс]. Таким образом, кратко рассмотрев современное состояние книжных процессов в Кыргызстане и представив книжную среду, в которой социализировались наши респонденты из этой страны, выясним перспективы адаптации молодых мигрантов-киргызстанцев в пермскую городскую среду.

В группу исследуемых было включено 7 участников (соответственно получено 7 интервью) в возрасте до 27 лет. Отбор проводился в случайном режиме. На момент проведения бесед основная группа мигрантов занималась следующими видами трудовой деятельности: женщина занималась уборкой офисных помещений [Инт.: 2], а мужчины занимались уборкой прилегающих к зданиям территорий, то есть работали дворниками [Инт.:1, 3-7]. Следует отметить, что, по словам интервьюируемых, о возможности заниматься данным видом деятельности в Перми они узнали от друзей или родственников. Постоянным местом

проживания для части опрошенных в Кыргызстане являются отдалённые районы города Бишкека (с. Пригородное, с. Ленинское). Другая же часть опрошенных родилась и проживает в городе, который находится недалеко от Бишкека (г. Кант). Таким образом, все опрошенные по месту рождения и проживания могут быть отнесены к городскому сообществу. Все опрошенные являются городскими жителями и до приезда в Пермь были вовлечены в городскую культуру.

Информанты имеют среднее образование и владеют русским языком, который изучали в школе. Напомним, что владение русским языком являлось одним из главных условий для включения в наше исследование. Несмотря на примерно одинаковый возраст и одинаковое образование, степень владения русским языком у опрошенных разная. Хорошо понимают русский язык все опрошенные; хорошо понимают, но плохо говорят на русском языке респонденты, которые получили образование не в крупном городе. Следовательно, прослеживается схожая тенденция, обнаруженная из результатов исследований с группой мигрантов из Узбекистана и Таджикистана: более устойчивые навыки владения русским языком демонстрируют мигранты, которые получили образование в крупных городах.

Все опрошенные мигранты состоят в браке и выбрали город Пермь для проживания, чтобы улучшить своё материальное положение. После того как деньги будут заработаны в достаточном для них объёме, они намерены покинуть Россию и приобрести собственное жилье в Кыргызстане. При этом они признают, что в последнее время курс русской валюты падает, заработки мигрантов снижаются и приближаются к уровню оплаты за аналогичный труд на их родине, поэтому решение о возвращении на родину может быть принято ими в любой момент.

Как в случае с узбекской и таджикской культурами, центром киргизской культуры является ислам. Киргизская ССР, как Узбекская ССР и Таджикская ССР, входила в состав СССР. Современная киргизская культура представляет собой гибрид, где советские традиции переплетены с исламскими. При этом не стоит забывать, что в настоящее время молодые киргизы пытаются усвоить западные культурные ценности, предполагая выбрать местом будущей карьеры, а по возможности и постоянным местом проживания, страны Западной Европы. Однако эта тенденция не может быть отнесена к конкретной группе мигрантов-киргизов, которые участвовали в нашем исследовании.

Проанализировав ответы респондентов на вопросы первого блока, мы выявили специфические особенности культуры чтения киргизов. Все мигранты читают литературу религиозного характера. Однако доминирующим интересом чтение религиозной литературы назвать нельзя, как, например, в случае с мигрантами-узбеками и с мигрантами-таджиками. Респонденты, например, высказывают мнение, что «Коран» сложно читать, потому что для

«истинного» понимания смысла, в нём написанного, необходимо знать арабский язык, который не знает никто из опрашиваемых. В данном случае мы столкнулись с некоторым разнообразием «читательских интересов». Приведём примеры. На вопрос, «Какие книги вы читаете?» респонденты отвечали, что любят читать книги разных жанров [Инт.: 1–6]. При этом они называли не только автора, но могли назвать жанр произведения, в котором этот автор писал. Например, практически все опрашиваемые назвали Чингиза Айтматова и перечислили основные его произведения. На вопрос, откуда они узнали об этом писателе? Был получен ответ, что от родителей, двое упомянули школу как источник информации о творчестве этого автора. Можно предположить, что родители наших респондентов были вовлечены в советско-киргизскую книжную культуру и передали ценности этой культуры своим детям. Были названы почти всеми: «Буранный полустанок», «И дольше века длится день»; «Плаха» и другие. Стоит признать, что Чингиз Айтматов уже давно вошёл в ряд не только национальных классиков литературы, но и является классиком советской литературы. Это указывает на некую нормативную шаблонность данного читательского интереса. Тем более, такой интерес может быть вызван не глубинным читательским интересом к произведениям этого автора, а тем фактом, что Ч. Айтматов является популярной фигурой в республике. Кроме того, его общественная, дипломатическая и другая деятельность позволяет предполагать, что интерес к его фигуре вызван, скорее всего, внелитературной или околосредовой деятельностью.

Стоит отметить, что только в Кыргызстане респонденты назвали Интернет в качестве источника информации об авторах и произведениях художественной литературы, о книгах исторической и географической тематики. Однако интересен факт, что респонденты, пользующиеся Интернетом, не смогли назвать ни одного автора и название произведения, которое они «скачали из Интернета». Все респонденты отметили, что большинство правовой информации и той, которая касается вопросов миграции, они ищут в Интернете. Выбор Интернета они аргументируют оперативностью и актуальностью данного источника информации.

Респонденты обнаружили также знания авторов классической русской литературы. Был назван шаблонный ряд авторов, в том числе, Л. Толстой, А. Чехов, Ф. Достоевский. На просьбу назвать современных русских авторов, респонденты не смогли назвать ни одного. А вот современных киргизских писателей респонденты назвали: было упомянуто имя поэтессы Ульяны Копытиной (она публикует свои стихи в блоге в Интернете) (Инт.: 4).

Нами была также предпринята попытка выяснить, знают ли респонденты об экранизации литературных произведений. Оказалось, что респонденты смотрят и любят

экранизации произведений, однако этот интерес распространяется на зарубежные варианты, в том числе на русские фильмы. Назвать конкретные примеры смог только один респондент: «Анна Каренина» (опрашиваемый имел ввиду американскую постановку) и «Идиот», (русскую версию) (Инт.: 5).

Для выяснения книжных практик мигрантов-киргизов нами был задан вопрос о наличии домашних библиотек в их домах или квартирах в Кыргызстане. Несмотря на существующий интерес к чтению, домашних библиотек нет ни у кого. Было сказано, что такая библиотека есть у их родителей. Отсутствие домашней библиотеки у тех мигрантов, кто имеет отдельное жильё, объяснено малогабаритностью жилья в большом городе.

Навыки чтения большинство опрошенных усвоили в школе. Так как все опрошенные имеют среднее образование, логичным был вопрос о посещении ими школьной библиотеки. Школьную библиотеку посещали все респонденты. Однако чаще всего выбирали книги, которые необходимы были для освоения школьной программы.

Мигранты, проживающие в Бишкеке, отмечают, что после окончания школы они почти не читают книги. Кроме того, они указывают на то, что посещать библиотеки у них нет времени, а покупать книги очень дорого, и книжных магазинов в городе очень мало. У всех мигрантов, кроме одного, имеются дети, поэтому в данный период времени они не могут себе позволить «спокойно» читать книги. Причина в том, что читать они привыкли в приватной обстановке, которую в данный период времени они обеспечить себе не могут. Находясь в Перми, они занимаются изучением литературы, касающейся миграционных, юридических и других аспектов. Они используют литературу, рекомендуемую представителями киргизской диаспоры в Перми, либо изучают материалы из Интернета.

На вопрос о предпочтениях в использовании печатной или электронной книги, все респонденты указали в качестве приоритетного варианта печатную книгу. Однако большинство уточнили, что информацию юридического характера лучше получать из Интернета, потому что таким образом можно обеспечить оперативность информации, от которой зависит обеспечение легальности их пребывания в России.

Интересными кажутся ответы респондентов на вопрос «Зачем Вы читаете?». Большая часть неожиданно ответила, что чтение для них является отдыхом. Только два респондента считают, что чтение необходимо, чтобы узнать что-то новое, которое поможет в работе. То, чем он занимаются в России, они не считают постоянным. Они имеют в виду в данном случае работу, которую они предполагают получить после возвращения на Родину. Почти все респонденты видят своё будущее в строительной отрасли Кыргызстана.

Уточняя определение культуры чтения данной группы мигрантов, можно сказать следующее: книжные предпочтения у данной группы мигрантов выражены не чётко. Книжный опыт демонстрирует некоторое разнообразие, однако этот опыт мигранты хотят продемонстрировать, не обнаруживая, при этом, реальных знаний. Это можно объяснить позицией родителей, которые передали детям позитивное мнение о ценностях советской книжной культуры. В советский период процесс чтения априорно считался полезным и престижным занятием. Тем не менее, учитывая особенности «восточного» воспитания, при котором дети «почитают» старших, в частности, родителей, мы должны принимать во внимание, что мнение респондентов о пользе чтения может быть банальным проявлением уважения к прошлому опыту родителей, в том числе к книжному опыту.

Читательские практики у мигрантов обозначены слабо, так как они предпочитают пользоваться тем, что им рекомендовано читать, либо пользоваться Интернетом. Данная ситуация не может привести к развитию книжных навыков. Что касается формирования индивидуальных ценностных установок по отношению к книге как продукту книжной культуры, то оно ограничено, так как инструментом достижения успеха в реальном жизненном пространстве киргизы книгу не считают. Данный факт может также свидетельствовать о том, что содержание общей культуры мигрантов отражает не все черты современной городской культуры.

Мигранты-киргизы, проживающие в Перми, могут считаться условно вовлеченными в книжную культуру, в том числе и как инструментальную культуру для значимых социальных практик. Однако отметим, что у этой группы мигрантов наиболее сильно выражены базовые книжные навыки, которые мы не обнаружили у других групп и которые могут быть использованы для моделирования адаптивных городских практик для мигрантов-киргизов. Кроме того, необходимо чётко понимать, что при неблагоприятных экономических факторах, когда происходит резкий отток количества прибывающих, использование книжных практик для адаптации мигрантов в городскую среду не представляется целесообразным.

Проблема перемещения книжной культуры на периферию общекультурного процесса адаптации современного человека к политическим, социальным и экономическим вызовам, носит глобальный характер. Использование книжной культуры в качестве инструмента адаптации конкретных групп мигрантов к конкретным городским, в нашем случае пермским условиям, требует разработки не глобальных массовых и долгосрочных программ, а фокусированных оперативных адаптивных моделей-памяток, рассчитанных на определённые группы мигрантов, у которых есть определённые цели, сроки и перспективы дальнейшего проживания в конкретном регионе, городе и так далее.

Интервью 1: Мигрант 1 (24 года, муж., стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Интервью 2: Мигрант 2 (24 года, жен., стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Интервью 3: Мигрант 3 (24 года, муж., стаж проживания в г. Перми — 2 года)

Интервью 4: Мигрант 4 (25 лет, муж., стаж проживания в г. Перми — 3 года)

Интервью 5: Мигрант 5 (25 лет, муж., стаж проживания в г. Перми — 2,5 года)

Интервью 6: Мигрант 6 (26 лет, муж., стаж проживания в г. Перми — 4 года)

Интервью 7: Мигрант 7 (27 лет, муж., стаж проживания в Перми — 2 года)

Список литературы

1. Бондаренко О.Я. Литература в Кыргызстане самоизолировалась от читателя. URL: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=1230> (дата обращения: 29.07.2015).
2. Валентей Д.И. Демография: Современное состояние и перспективы развития. Москва: Высшая школа, 1997. 271 с.
3. Вишневский А.Г. Демографическое будущее России // Отечественные записки, № 4, 2004. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=897> (дата обращения: 08.08.2014).
4. Вишневский А.Г. Миграция: Иного нет у них пути. 2007. URL: <http://prostov.viperson.ru/articles/anatoliy-vishnevskiy-migratsiya-inogo-net-u-nih-puti> (дата обращения: 10.09.2014).
5. Гражданская война в Таджикистане. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1015433/4/Zhukov_-_Voyny_na_ruinah_SSSR.html. (дата обращения: 27.08.2015).
6. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / Под ред. проф. В.А. Ионцева. Москва: ТЕИС, 2004. 256 с.
7. Джононов П. Экономика Таджикистана «успехи» и тенденции, 2010. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1268894400> (дата обращения: 28.08.2015).
8. Захери Махназ Мохаммад Али Современная культура Таджикистана в зеркале иранской прессы. Автреф.... к. филол. Н. Душанбе, 2011. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/151/6139.php> (дата обращения: 08.08.2015).
9. Иванова Л.Г. Книжная культура студента гуманитария. Дис. ... к. культурологии. Шуя, 2011. 145 с.
10. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. Санкт-Петербург: Александрия, 2007. 332 с.
11. Квале С. Исследовательское интервью. Москва: Смысл, 2003. 301 с.
12. Методология и методы миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. Центр миграционных исследований. Москва, 2007. 320 с.
13. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Монография. Часть 2 / Шустова С.В., Желтухина М.Р., Дружинина М.В., Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Костева В.М.,

Черноусова А.С. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор А.М. Амагов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. 180 с.

14. Национальный вопрос в городском сообществе. Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX / О.Л. Лейбович, В.Н. Стегний, А.Н. Кабацков, О.В. Лысенко, Н.В. Шушкова. Пермь: РИО «Пермский государственный технический университет», 2003. 328 с.

15. О национальном составе жителей Пермского края (По данным Всероссийской переписи населения 2018 года). URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/news/rss/ab0e36004d81448d82ebef344d6b6963 (дата обращения: 15.06.2019).

16. Пермский край в цифрах — 2014. URL: <http://permsso.gks.ru:8081/bgd/krai1157/main.htm> (дата обращения: 01.09.2018).

17. Пермский край в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2017. 186 с.

18. Саградов В.А, Ионцев А.А. Введение в демографию. Москва: ТЕИС, 2003. 629 с.

19. Чупринин С.И. Зарубежье. Русская литература сегодня. Москва: Время, 2008. URL: <http://sci.house/literatura-russkaya/zarubeje-russkaya-literatura-segodnya-russkaya.html> (дата обращения: 20.08.2018).

20. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. Москва, 2004. 1056 с.

Lamot L.G.

Ph.D. (Kulturology),

St. Petersburg Luseum of Service and Industrial Technologies,

Free Researcher, Toulouse, France

Tschernousova A.S.

Ph.D (Philology),

Perm State University

TO THE ISSUE OF THE BOOK WORLD OF A MODERN MIGRANT

This article is devoted to the issues of modeling migration discourse. The discourse on modern migration is characterized by polymatics. The problems, related to the differences of representatives of another ethnic group are actual, and they determine the subordinate position of a migrant in comparison with representatives of the host society. A stereotype has been formed: a “migrant” is Another, initially different from the “local” subject, and therefore necessarily

dangerous for cultural, social, economic and other norms of society. The use of book culture as a tool for adapting specific groups of migrants to specific urban ones does not require the development of global mass and long-term programs, but focused on operational adaptive models-memos designed for specific groups of migrants who have specific goals, terms and prospects for further living in a specific region.

Key words: migration discourse, migrant, book culture, modeling of discourse, adaptation of migrants, cultural analysis.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета